

Д. Н. Меньшиков

БОЕВАЯ СИЛА АРМИИ М. Б. ШЕЙНА В СМОЛЕНСКОМ ПОХОДЕ 1632–1634 годов.

Смоленская война 1632–1634 гг. стала первым крупным военным предприятием Московского государства после окончания Смутного времени, когда была предпринята первая попытка пересмотреть его итоги, возвратив Смоленск и другие территории, захваченные Речью Посполитой. В ходе подготовки к этому предприятию, начавшейся еще в 1620-х гг., были затрачены крупные средства, с помощью Швеции проведены масштабные военные преобразования, выразившиеся в создании полков нового строя. Однако несмотря на это война закончилась практически полным провалом, виновником которого был объявлен командующий армией М. Б. Шеин, обвиненный в измене.

В историографии существуют различные точки зрения на причины подобного исхода войны. Его объясняли общими недостатками и отсталостью русского войска, изменой иностранных наемников, военной несостоятельностью и даже бездарностью М. Б. Шеина, боярскими интригами против него, татарскими набегами 1632–1633 гг., сложной внутриполитической обстановкой в самом Московском государстве, еще не оправившемся до конца от последствий Смуты, наконец, неблагоприятным течением международных обстоятельств, сорвавших русско-шведский союз против Польши¹.

Одной из причин такого разнообразия мнений является недостаточная изученность собственно военных вопросов истории Смоленской войны, в отношении которых большинство исследователей до сих пор продолжают опираться на авторитет С. М. Соловьева и Д. И. Иловайского, что часто дополняется прямыми ошибками и неточностями применительно к различным военно-историческим аспектам². В частности это касается важного вопроса о численности войск противоборствующих сторон, а в особенности армии М. Б. Шеина. Важность данного вопроса связана с тем, что в военном деле фактор силы войск играет крайне важную роль, оказывая сильное влияние не только на сам ход боев, но и на принятие решений полководцем.

Первоначально в качестве оценки силы этой армии в исторической литературе на основании данных А. Олеария и «Летописи о многих мятежах» приводилась значительно завышенная цифра в 100 тыс. человек³. С. М. Соловьев впервые назвал цифру в 32 082 человека при 158 орудиях⁴, которой придерживался также и Н. С. Голицын⁵. Н. Е. Бранденбург в своих очерках утверждал, что в армии М. Б. Шеина насчитывалось 32 500 человек⁶. Немецкий историк Г. Брикс писал о том, что в составе войска, осаждавшего Смоленск, было 32 970 человек⁷. А. Н. Зерцалов на основании материалов «Книг разрядных» насчитал 32 608 человек⁸. Д. И. Иловайский оценивал общее число людей наряженных на войну в 35 тыс.⁹, а численность войска самого М. Б. Шеина с учетом различного лагерного люда доводил до 40 тыс.¹⁰

Наиболее подробно данный вопрос рассматривался Е. Д. Сташевским в его монографии «Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние московской армии», который на основе большого числа документов Разрядного приказа исчислял силу русской

армии под Смоленском в августе 1633 г. в 14 571 человек конницы и 15 153 пехоты. В это число им не были включены пушкари и боевые холопы, поэтому «количество бойцов которыми располагал М. Б. Шеин к августу 1633 г., было не менее 40 т.»¹¹. С учетом же некомбатантов, а именно — различных дворянских слуг, обозных, посошных людей, харчевников, хлебников и калачников, торговцев, местных крестьян и семей служилых людей, Е. Д. Сташевский доводил общую численность войска М. Б. Шеина до 50 тыс. человек, «а может быть даже и несколько больше»¹², отмечая впрочем, что эти цифры получены «больше на основании данных наряда, чем данных смотра»¹³.

Его выводы не получили широкого распространения в исторической науке, и в работах уже советского времени оценка силы армии М. Б. Шеина примерно в 32 тыс. человек закрепились окончательно и стала общепринятой¹⁴, перейдя и в польскую историографию¹⁵.

Такая оценка численности русского войска как превосходившей польскую армию Владислава IV, состоявшую по новейшим данным из 21 270 солдат¹⁶, в значительной степени определяла направление поиска причин поражения вне сферы сугубо военных вопросов. Ведь в военном искусстве наличие у одной из сторон численного превосходства часто оказывается определяющим фактором ее победы. В случае же со Смоленской войной это превосходство, дополненное выгодной позицией, наоборот не сыграло особой роли, т. к. русские войска действовали пассивно, и инициатива оказалась в руках Владислава IV. Именно такое малопонятное поведение командующего армией М. Б. Шеина и обусловило обвинение его в измене или бездарности.

В связи с этим представляется необходимым подробно рассмотреть вопрос о том, каким числом войск располагал М. Б. Шеин в августе 1633 г., когда Смоленская кампания подошла к своей критической точке.

По самому первому наряду войск для войны с Польшей, датирующемуся началом августа 1632 г.¹⁷, в полки было назначено: к М. Б. Шеину и А. В. Измайлову — 5782 дворянина и сына боярского и новокрещена, преимущественно замосковных, мещерских и частично украинских городов, 461 поместных атаманов и казаков, 700 украинских казаков, 411 донских и яицких казаков, 3042 татар и новокрещенных и 528 дворян и детей боярских из низовых городов, 2216 немецких солдат в солдатских полках Лесли, Фукса и Хареслебена, 6939 русских солдат в солдатских полках Лесли, Росформа, фон Дама и Унзена, 1503 человека стрельцов в приказах Тимофея Шепелева, Гаврилы Бакина и Алексея Философова¹⁸, а всего 21 579 человек¹⁹. У сходных с ними воевод С. В. Прозоровского и М. В. Белосельского во Ржеве должны были собраться 4324 дворянина и сына боярского преимущественно из городов южной и немецкой Украины и замосковных, 7 атаманов и казаков поместных, 100 городских казаков, 227 татар и новокрещенных и 200 московских стрельцов, а всего 4858 человек²⁰, а Б. М. Нагому в Калугу было наряжено 1748 дворян и детей боярских в основном из украинских городов и 210 татар и новокрещенных, а всего 1958 человек, к которым добавлялись еще калужские и коломенские стрельцы²¹. В составе наряда во главе с И. Н. Арбузовым числились 116 пушек при 182 пушкарях, 5 кузнецах и плотнике²².

После соединения всех трех отрядов их суммарная численность должна была составить 28 582 человека, но к августу 1633 г. в ходе кампании в отношении как состава войск, так и их численности произошли определенные изменения.

Во-первых, часть сил, а именно стрельцы из состава отрядов как С. В. Прозоровского, так и Б. М. Нагого были оставлены гарнизонами в занятых ими польских

крепостях — в Белой, Серпейске и Рославле. Точно так же и из состава армии М. Б. Шеина стрелецкий приказ А. Философова был оставлен гарнизоном в Дорогобуже и под Смоленск не попал.

Во-вторых, к М. Б. Шеину в течение весны — лета 1633 г. под Смоленск подходили не только отставшие нетчики и уже внесенные в наряд войска, как например донские и яицкие казаки, но также и новые части. Это были несколько иноземных рот численностью в 396 человек, присоединившиеся к армии зимой 1633 г., русские солдатские полки Кита и Маттисона общим числом в 3628 человек, выступившие из Москвы в июне 1633 г.²³ и рейтарский полк Шарля д'Эберта силой в 2400 всадников, прибывший под Смоленск в августе 1633 г.

Таким образом, с учетом подошедших подкреплений и оставленных ранее гарнизонов в распоряжении воевод под Смоленском действительно оказывается немногим более 32 тыс. человек. Именно эта цифра, отражающая общую численность русского войска М. Б. Шеина, приведена как итоговая в Разрядной книге 1631–1634 гг.²⁴, после опубликования которой она попадает в исторические сочинения и становится общепринятой.

Однако сведения разрядной росписи полков позволяют судить лишь о «бумажной», штатной, численности войска, которая по определению является завышенной²⁵, ибо в ней не учитываются потери в боях, а также от голода, холода, болезней и особенно дезертирства служилых людей. Значимость последнего фактора единодушно признавалась, пожалуй, всеми исследователями, затрагивавшими тему Смоленской войны, однако он практически не получил надлежащей оценки в виде конкретных числовых выражений.

Основную силу конницы русской армии составляли дворяне и дети боярские, которых по наряду должно было быть: у М. Б. Шеина и А. В. Измайлова — 5175 человек, у С. И. Прозоровского и М. В. Белосельского — 3836 человек, а у Б. М. Нагого — 1528 человек²⁶. В итоге это дает 10 559 человек без учета боевых холопов, число которых по нормам конца XVI в. должно было совпадать с числом дворян²⁷. Они дополнялись более чем 3000 казаков и татар.

Однако в действительности вместо столь мощной конной рати число дворян и детей боярских в августе 1633 г. под Смоленском было куда меньше. Сведения об их реальном числе дают материалы смотра 26 августа 1633 г.²⁸

Наибольшим по значимости был урон от нетчиков и дезертиров. Уже в марте только в полках М. Б. Шеина и А. В. Измайлова их насчитывалось 517 человек²⁹, и в дальнейшем это число непрерывно увеличивалось. Особенно усилилось бегство дворян и детей боярских в конце лета 1633 г., когда многие из них отправились приводить в порядок поместья, разоренные крымским набегом. В один только день, 25 августа, из-под Смоленска уехал 271 человек³⁰.

Всего к концу августа 1633 г. по итогам смотра нетчиками числились: в полку М. Б. Шеина — 653 человека³¹, у А. В. Измайлова — 446 человек³². В полках С. В. Прозоровского и М. В. Белосельского положение было еще хуже: из 3886 дворян, детей боярских и новокрещенов нетчиков там насчитывалось 2509 человек³³. В бывшем полку Б. М. Нагого, умершего 25 июля 1633 г., таких дезертиров набралось 944 человека³⁴.

После смотра 26 августа с подходом к Смоленску армии Владислава IV бегство из полков еще больше усилилось. Многие служилые люди сбежали прямо после смотра — только в полках М. Б. Шеина и А. В. Измайлова таких набралось 486 человек³⁵.

От нетства страдали не только дворяне — из 323 поместных белозерских казаков к концу августа именно по этой причине недосчитались 158 человек. Сбежало также

366 из 814 яичких казаков, 130 из 481 донского казака, 353 из 597 казаков украинских городов и 373 человека из 1228 татар³⁶. Все это значительно ослабило русскую армию.

Помимо потерь от дезертирства и нетства, достигших в сумме только у дворян и детей боярских 4552 человека (из общего числа в 10 559 человек), войска несли потери убитыми и умершими, ранеными и пленными. По сравнению с нетством они были не слишком велики, но все же достаточно значительны. Полки М. Б. Шеина и А. В. Измайлова за время с начала кампании лишились 51 человека убитыми, 67 человек пленными и 646 человек умершими³⁷. С. В. Прозоровский к концу августа потерял пленными всего 13 человек, а убитыми и умершими — 226³⁸. У Б. М. Нагого потерь пленными насчитывалось 14 человек, а убитыми и умершими — 93 человека³⁹. Всего безвозвратные потери в коннице достигли уже довольно внушительной цифры в 1110 человек, львиную долю которых составляли умершие от ран и болезней.

Некоторая часть служилых людей, расписанная в полки под Смоленск, отсутствовала там по вполне уважительным причинам. Кого-то отправили в Москву с отписками и челобитными, кто-то был отпущен туда, будучи больным или раненым, кто-то сопровождал тела умерших. Таких у М. Б. Шеина и А. В. Измайлова набиралось: отпущенных с отписками и челобитными — 67 человек, а по состоянию здоровья — 32 человека⁴⁰. С. В. Прозоровский и М. Б. Нагой оправили в Москву по разным поводам соответственно 76 и 52 человека⁴¹. Это дает нам еще 227 человек, отсутствовавших в полках.

Наконец, многих служилых людей посчитали дважды — одновременно в полках воевод и в рейтарском полку Шарля д'Эберта, запись в который началась уже после составления росписи полков для Смоленской службы. Уже по мартовскому смотру 1633 г. их по всей армии набралось 1271 человек⁴², а в дальнейшем это число еще немного увеличилось, т. к. запись в рейтары продолжалась вплоть до лета 1633 г.

Таким образом, сила конницы русского строя в армии М. Б. Шеина в конце августа 1633 г. никак не могла превышать 6000 человек, что составляет менее половины ее состава. В наибольшей степени это коснулось полков С. В. Прозоровского и Б. М. Нагого, общая численность которых составила всего лишь 1846 человек из 5823 человек. При этом их войска стояли на основном направлении польских ударов по осаждавшей Смоленск армии.

Относительно наличия у дворян и детей боярских боевых холопов, следует отметить, что Смута наиболее сильно ударила именно по людности поместного войска. В частности, по разбору 1631 г. на 967 новгородских дворян и детей боярских приходилось всего лишь 97 боевых холопов, из которых полноценными воинами было всего 18 человек, а остальные были в обозе⁴³. С учетом того, что дворянские боевые холопы являлись элементом, наиболее подверженным дезертирству, а причин и возможностей у них для этого было много, то с высокой степенью вероятности можно сказать, что их число под Смоленском в августе 1633 г. вряд ли превышало одну-две сотни человек.

Кроме конных частей русского строя, М. Б. Шейн располагал несколькими иноземными ротами, а также подошедшим 17 августа рейтарским полком Шарля д'Эберта⁴⁴. Сведений о его численности в конце августа не сохранилось, но при выступлении 17 июля из Москвы в 14 рейтарских и 1 драгунской ротах полка насчитывалось 2188 человек⁴⁵. Поскольку с 17 по 28 августа крупных столкновений за исключением средней тяжести боев с литовской армией К. Радзивилла не происходило, то, скорее всего, численность рейтар не слишком уменьшилась и составляла около двух тысяч. Иноземные роты по наряду включали 477 человек⁴⁶, из которых 125 человек числилось в нетчиках⁴⁷. Все это доводило общую численность конницы М. Б. Шеина самое большее до 8500 человек.

Если данные о силе конницы разбросаны по различным сметам и отпискам, то численный состав пехоты иноземного строя зафиксирован в росписи для выдачи жалования за август 1633 г., составленной Василием Протопоповым и дьяком Тимофеем Пчелиным. Согласно ей на 19 августа 1633 г. в полку Александра Лесли насчитывалось 85 начальных людей и 1227 солдат; в полку Генриха фон Дама — 77 начальных людей и 1207 солдат; в полку Валентина Росформа — 117 начальных людей и 1012 солдат; в полку Тобиаса Унзена — 76 начальных людей и 987 солдат; в полку Вилима Кита — 83 начальных человека и 1424 солдата; в полку Юрия Маттисона — 82 начальных человека и 1282 солдата. Кроме того, в немецких солдатских полках числилось: в полку Александра Лесли — 539 человек, в полку Ганса Фридриха Фукса — 601 человек, в полку Якова Карла фон Хареслебена — 854 человека и в полку Томаса Сандерсона — 797 человек⁴⁸. Всего согласно этой росписи в русских и немецких солдатских полках имелось, таким образом, 7575 русских солдат и 2791 немецких солдат, а вместе — 10 366 солдат и офицеров, к которым добавлялось еще 144 человека пополнения, что давало в итоге 10 500 человек, в то время как согласно наряду в них должен был состоять 14 631 человек⁴⁹.

Убыль в людях в солдатских полках по сравнению, например, с дворянами и детьми боярскими была обусловлена не столько дезертирством, сколько болезнями, голодом на ранней стадии кампании и довольно серьезными боевыми потерями, т. к. именно солдатская пехота занималась осадными работами под огнем противника — только два неудачных штурма города стоили солдатским полкам почти 1000 человек убитыми и ранеными⁵⁰.

Следует отметить, что данная роспись составлялась на основании сведений, предоставленных самими полковыми командирами, которые, следуя обычной практике того времени, всячески старались завысить число людей, чтобы положить разницу в свой карман. В особенности это касалось немецких полков, командиры которых обладали широкой самостоятельностью в ведении полковых дел, в то время как в русских полках делопроизводством занимались русские приказные люди. Как следствие, реальная боевая сила этих полков была скорее всего несколько меньше приведенных выше цифр.

Помимо солдат, пехоту составляли еще два московских стрелецких приказа — Гаврилы Бакина и Тимофея Шепелева, штатная численность которых, указанная в наряде, составляла 1012 человек. В ходе осады стрельцы преимущественно вели дозорную службу в укреплениях и в штурмах не участвовали; лишь во время приступа 6 июня стрельцы Шепелева предприняли попытку сжечь Днепровский мост и потеряли несколько человек ранеными⁵¹.

В целом силу пехоты М. Б. Шеина можно оценить в 11 500 человек солдат и стрельцов, что с учетом 8500 конного войска доводит общую численность русской армии до 20 тыс. человек. К ним следует еще добавить находившихся при наряде пушкарей, которых по росписи насчитывалось 184 человека, хотя в ходе осады они понесли значительные потери убитыми и ранеными⁵². Также при наряде имелось 766 посошных людей, чего, по мнению М. Б. Шеина, было совершенно недостаточно для производства необходимых работ⁵³. Помимо них в русском лагере находилось еще некоторое количество различных некомбатантов, не представлявших боевой ценности: торговцы, харчевники, пекари и прочая лагерная обслуга, семьи служилых людей и местные жители.

Таким образом, вычисленная сила русского войска под Смоленском составляет менее 2/3 его численности по разрядным росписям. Столь сильное расхождение в наибольшей степени было обусловлено массовым дезертирством служилых людей из полков, коснувшиеся в первую очередь дворян и детей боярских, в то время как солдатские полки

оказались более надежными. Массовое дезертирство служилых людей свидетельствовало об их низком боевом духе. При этом больше всего была ослаблена конница, которая была особенно важна для противостояния превосходной польской кавалерии. Немудрено, что в конце августа 1633 г. в донесениях из-под Смоленска постоянно прослеживаются жалобы на недостаток конницы.

Недостаток сил, очевидно, оказал существенное влияние на решения, принятые М. Б. Шеиным в августе — сентябре 1633 г., т. к., располагая лишь частью наряженных ему сил, он должен был решать задачу обложения Смоленской крепости и одновременно быть готовым встретить атаку деблокирующей армии. С учетом того что сила этой армии составляла 21 270 солдат⁵⁴, к которым добавлялось около 2000 человек смоленского гарнизона⁵⁵, достаточно сложно говорить о каком-либо численном превосходстве русского войска, тем более что общая сила располагавшихся на направлении главного удара войск С. В. Прозоровского, полков фон Дама, Кита, Маттисона и рейтар д'Эберта составляла менее 6 тыс. А после подхода 8 сентября на помощь к полякам запорожского войска силой примерно в 12 тыс. человек⁵⁶ численный перевес был уже на стороне Владислава IV. Особенно он был заметен в коннице. Поэтому совершенно не удивительно, что в таких условиях воевода М. Б. Шеин не рискнул выйти в поле, полагаясь на силу своих укреплений. Он предпочел ждать подкреплений и вел себя достаточно пассивно, не считая свои войска достаточными для правильного боя. Однако сочетание не очень выгодного расположения войска и наличие у противника численного превосходства и обладание инициативой привели его к закономерному финалу — капитуляции. И хотя в таком исходе дела существенную роль сыграл сам М. Б. Шеин, однако можно увидеть, что поражение имело совершенно твердую основу, выраженную в численной слабости русской армии.

¹ Краткий обзор основных точек зрения на причины поражения в войне содержится в работе: *Петров К. В.* Новые источники по истории Смоленской войны 1632–1634 гг. // *Очерки феодальной России.* М., 2000. Вып. 4. С. 116–117.

² См., например: *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 207.

³ *Зотов Р. М.* Военная история Российского государства: В 5 ч. СПб., 1839. Ч. 1. С. 181.

⁴ *Соловьев С. М.* Сочинения: В 20 т. М., 1990. Т. 5. С. 163.

⁵ *Голицын Н. С.* Русская военная история: В 2 ч. СПб., 1878. Ч. 2. С. 539.

⁶ *Бранденбург Н. Е.* Очерки состояния военного дела в России в половине XVII века // *Военный Сборник.* 1869. № 4. С. 176.

⁷ *Brix H. P. R.* Geschichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen von den fruehsten Zeiten bis zu den von Peter der Grossen gemachten Veraenderungen. Berlin, 1867. Z. 586.

⁸ *Зерцалов А. Н.* М. Б. Шеин под Смоленском // *ЧОИДР.* 1897. Кн. 2. Отд. 4. С. 11.

⁹ *Иловайский Д. И.* Новая династия. М., 2003. С. 368.

¹⁰ *Иловайский Д. И.* Новая династия. М., 2003. С. 387.

¹¹ *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 172.

¹² *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 173.

¹³ *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 170.

¹⁴ В частности см.: *Очерки истории СССР. XVII в.* / Под ред. А. А. Новосельского. М., 1955. С. 468.

¹⁵ *Zarys dzieł wojskowości polskiej do roku 1864.* Warszawa, 1965. T. 1. S. 468.

¹⁶ *Kupisz D.* Smolensk 1632–1634. Warszawa, 2001. S. 245.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 76. Л. 51.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 76. Л. 246–248

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 76. Л. 52–64

²⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 76. Л. 65–70.

- ²¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 76. Л. 71–73.
- ²² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 76. Л. 102–105.
- ²³ Книги Разрядные: В 2 т. СПб., 1855. Т. 2. С. 388.
- ²⁴ Книги Разрядные: В 2 т. СПб., 1855. Т. 2. С. 390.
- ²⁵ Общей военной практикой является то, что воинские единицы никогда не достигают своей положенной штатной численности в силу целого ряда причин.
- ²⁶ Книги Разрядные% В 2 т. СПб., 1855. Т. 2. С. 385–391; РГАДА. Столбцы Новгородского стола № 24. Л. 41–90.
- ²⁷ *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 81.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 49–82.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 24. Л. 41–49.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 90. Л. 91.
- ³¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 50.
- ³² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 52–53.
- ³³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 58, 61.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 60.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 49–56. Учтены только сбежавшие 26 августа.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 54–56.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 69–74.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 77–78, 80.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 78–79, 81.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 62–68.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 75–76.
- ⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 24. Л. 41–90; Столбцы Московского стола. № 105. Л. 82–121.
- ⁴³ *Воробьев В. М.* «Конность, людность и оружность» служилых городов при первых Романовых // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 100.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 90. Л. 97–99.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 47.
- ⁴⁶ Книги Разрядные: В 2 т. СПб., 1855. Т. 2. С. 386, 388.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 53.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 90. Л. 77–80.
- ⁴⁹ Книги Разрядные. СПб., 1855. Т. 2. С. 388.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 30. Л. 3–55.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 30. Л. 52.
- ⁵² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 30. Л. 53–54.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 90. Л. 94–96.
- ⁵⁴ *Kupisz D.* Smolensk 1632–1634. Warszawa, 2001. S. 245.
- ⁵⁵ *Kupisz D.* Smolensk 1632–1634. Warszawa, 2001. S. 92.
- ⁵⁶ *Liske K.* Przyczynki do historii wojny moskiewskiej z lat 1633–1634 // Biblioteka Ossolinskih. Krakow, 1868. Т. 11. S. 22.